



ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

М. С. Авербух. *Законы народонаселения докапиталистических формаций*. М., 1967, 208 стр.

Книга М. С. Авербуха представляет собой по существу первую в нашей науке попытку исследовать динамику населения в докапиталистическую эпоху. Она состоит из небольшого введения и трех примерно равных по объему глав, именуемых соответственно: «Основные закономерности народонаселения в первобытном обществе», «Закономерности населения в рабовладельческом обществе» и «К характеристике закона народонаселения феодализма»; в каждой из них автор останавливается на вопросах, связанных с естественным воспроизводством населения, явлениями относительного перенаселения и миграциями. По своей тематике эта работа, несомненно, привлечет внимание широкого круга читателей, в том числе и специалистов — историков и этнографов. Все возрастающий интерес историков и этнографов к проблемам народонаселения, в частности к динамике численности населения, не случаен; он обусловлен необходимостью всестороннего исследования исторического развития общества и отдельных народов, демографического анализа исторических и этнических процессов. Динамика численности населения отдельных стран и народов мира отражает исторически изменяющиеся условия жизни людей, крупные исторические события; с другой стороны, количественный фактор, численность населения сами оказывают немаловажное влияние на особенности исторического развития тех или иных стран и народов мира. К несомненным достоинствам книги относится и то, что автор вводит в научный оборот интересный и к тому же малоизвестный историко-демографический материал.

К сожалению, рецензируемая работа имеет существенные недостатки, которые требуют критического анализа. Необходимость такого анализа обусловлена очень широкой тематикой и методологическим уклоном этой работы, в результате чего она может по ряду важных вопросов не только дезориентировать неискушенного читателя, но и оказать неблагоприятное влияние на ход дальнейших исследований в данной области.

Основной целью автора, как видно из названия всей работы и отдельных глав, является познание законов, которые, по его мнению, определяют динамику населения в каждой общественно-экономической формации, в частности особенности процесса воспроизводства населения, его механического движения и последствий, изменения в составе населения, его материального и культурного уровня и т. п. (стр. 15); центральное место в таком законе занимает связь особенностей процесса производства в каждой формации с особенностями процесса естественного воспроизводства населения, определяющими основные черты всей динамики населения. Уместно, однако, поставить вопрос: а существуют ли такие законы народонаселения, не гонится ли автор за призраками и не получается ли у него вместо анализа объективных законов попытка своего рода законодательства?

Главная методологическая основа автора — ссылка на высказанное К. Марксом положение, что «всякому исторически особому способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения»¹, неэффективна. Установленный самим К. Марксом закон населения для капиталистического общества («... Рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах производит средства, которые делают его относительно избыточным населением»²) показывает, что он имел в виду не всеобъемлющий, как получается у М. С. Авербуха, а лишь экономический закон, выражающий особенности динамики трудящейся части населения в процессе развития данного спо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 646.

² Там же.

соба производства. Что же касается процесса естественного производства населения, характеризваемого, прежде всего, уровнем и соотношением рождаемости и смертности, его связь с экономическим базисом не следует упрощать. И если показатель смертности действительно имеет довольно тесную связь с особенностями способа производства, то рождаемость, занимающая центральное место в предлагаемых М. С. Авербухом законов населения, определяется очень сложным комплексом причин, значительная часть которых не обнаруживает прямой зависимости от этого способа производства. Имеющийся в настоящее время обширный статистический материал по капиталистическим и социалистическим странам мира показывает, что внутри одной и той же формации и даже внутри отдельных стран могут существовать различные типы естественного воспроизводства, расхождения между которыми нередко бывают значительно больше, чем между странами, относящимися к разным формациям. Поэтому многие советские демографы отказываются от попыток вывести для капиталистической и социалистической формации законы народонаселения, охватывающие особенности его естественного воспроизводства. Несовершенство методологии данного исследования сочетается с его неполноценностью в части источников. Книга основана, к сожалению, далеко не на «огромном фактическом материале», как сказано во вводящей аннотации издательства. Это особенно относится к зарубежным источникам, из числа которых автором были использованы лишь работы, опубликованные преимущественно в конце XIX — начале XX в., самая «новая» из них вышла в свет в 1935 г. В «подробную», по утверждению той же аннотации, библиографию не попали, например, ни фундаментальный труд польского ученого Л. Кршвицкого «Первобытное общество и показатели его естественного движения»³, ни многие десятки вышедших за последние десятилетия обстоятельных исследований по динамике численности населения стран и народов, стоящих на докапиталистической стадии развития; из числа их уместно назвать работу С. Рассела «Позднеантичное и средневековое население», М. Рейнарда и А. Армэнгода «Общая история населения мира», Ф. Лоримера «Культура и человеческая плодovitость»⁴ и др.

Естественным результатом сочетания несовершенной методологии и скудности материала явилась умозрительность основных выводов автора. Согласно М. С. Авербуху одной из основных черт закона народонаселения первобытнообщинного строя является «низкая» (стр. 24, 27) и даже «весьма низкая» (стр. 59) рождаемость. Эти тезисы направленные в конечном счете на объяснение причины очень медленного прироста населения в первобытнообщинную эпоху, не выдерживают критики. Незначительные темпы прироста в ту эпоху были связаны не с очень низкой рождаемостью, а с очень высокой смертностью, обусловленной слабым развитием производительных сил, большой зависимостью человека от природы и различных случайностей. Первобытные охотники-собиратели умирали от голода и болезней, гибли от стихийных бедствий, в схватках с дикими животными и враждебными племенами. Что же касается рождаемости то ее уровень в то время был, скорее, очень высоким, хотя, вероятно, и не доходил до физиологического максимума. Такая рождаемость, связанная с ранними и по существу обязательными браками, а также значительным распространением контрацептивных средств, поддерживалась традициями высокой плодovitости, возникшими как естественная защитная реакция человеческих коллективов на существовавшую высокую смертность и прослеживаемыми у подавляющего большинства известных науки племенных обществ⁵. Слабое развитие таких традиций у австралийцев, бушменов, огузцев и других племен, оказавшихся в специфически неблагоприятных природных условиях, более значительное распространение среди них абортов и детоубийств никак нельзя считать законом для всего первобытного общества, как это делает М. С. Авербух. Оставляя без рассмотрения явно неудачные ссылки на низкую плодovitости человекообразных обезьян (стр. 20) и на «притупление полового чувства» (стр. 21), заметим, что действительная динамика народонаселения в первобытнообщинную эпоху как и в последующие формации, отличалась разнообразием. В благоприятных условиях существования каждое снижение смертности, обусловленное, например, очередным скачком в развитии производительных сил (наиболее важным среди них был по существу обобщенный вниманием М. С. Авербуха переход к земледелию), приводило к повышенным темпам естественного прироста, к появлению в некоторых районах мира значительных сгустков населения, пока эпидемия, война или другое событие не останавливало этот рост.

³ L. Krzywicki, *Primitive society and its vital statistics*, Warsaw, 1934.

⁴ S. C. Russell, *Late ancient and medieval population*. Trans. of the Amer. Philos. Soc., New Series, v. 48, p. 3, Philadelphia, 1958; M. Reinhard, A. Armengaud, *Histoire générale de la population mondiale*, Paris, 1961; F. Lorimer, *Culture and human fertility*, UNESCO, Paris, 1954.

⁵ Эти вопросы подробно освещены в нашей статье «Культурно-исторический процесс и динамика численности народов мира», «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 1.

Среди других погрешностей главы о первобытном обществе отметим очень схематичную характеристику расселения первобытных людей по территории Земли; по существу она сведена к краткому описанию миграций неандертальцев, которые, как получило у М. С. Авербуха, появились в Средней и Малой Азии (!?), заселив оттуда остальные области Старого Света (стр. 40—42). Мало обоснована попытка автора объяснить высокую детскую смертность не болезнями, которые якобы влияли на детей не в большей степени, чем на взрослых (стр. 33), а главным образом «отсутствием надлежащего ухода» (стр. 33). Излишне доказывать, что основной причиной очень высокой детской смертности в первобытную, да и в последующие эпохи были именно болезни, сильнее поражавшие еще неокрепший детский, а не взрослый организм, и что «отсутствие надлежащего ухода» являлось лишь одной из причин болезней. Если говорить о собственно детской смертности, под которой понимается смертность детей в возрасте до одного года, то вторая, основная, по мнению автора, причина высокой детской смертности — «недостаточное питание» (стр. 34) — могла бы проявиться только в случае пониженной лактации первобытных женщин и отсутствия традиций длительного грудного вскармливания, чего в действительности, как правило, не было отмечено среди племенных обществ. Недостаточное знакомство автора с обширным этнографическим материалом, имеющим непосредственное отношение к данной теме, приводит к тому, что многие поразительные «этнографические» факты приводятся им без ссылок на источник; это относится, например, к сообщению, будто бы в гавайских семьях убивали всех детей, если число их в семье превышало 2—3 (стр. 36); простой демографический расчет показывает, что в этом случае гавайцы давно бы вымерли. При характеристике тяжелых последствий военных столкновений первобытной эпохи приводятся сведения о войнах римской империи (стр. 41), при описании миграций той же эпохи — переселения граждан Греции и Рима (стр. 51), хотя эти примеры должны быть отнесены совсем к другой эпохе, и т. д.

Нельзя не заметить, что проводимая автором мысль о том, будто бы весь ход естественного воспроизводства населения в первобытном обществе определялся «практикой искусственного прерывания и прекращения беременности» (стр. 24), широко распространённой практикой убийства всех детей «сверх известной нормы» (стр. 34), несмотря на некоторые оговорки, по существу совпадает с известным положением Мальтуса об извечности практики ограничения роста населения. Справедливости ради отметим, что автор неоднократно пытается спорить с мальтузианцами, особенно по вопросу о сущности перенаселения, но делает это не очень умело. Он пишет: «Хотя причиной перенаселения в докапиталистическом обществе было недостаточное развитие производительных сил, темп роста населения не мог обгонять темп роста производительных сил хотя бы потому, что самый рост населения, абсолютным большинством которого всегда являются трудящиеся, означает рост производительных сил» (стр. 54). Совершенно ясно, что понятие «перенаселения» должно соотноситься не с наличием рабочей силы, а со всем процессом производства, для развития которого кроме рабочих рук требуется еще предмет или объект труда: для охотников — дичь, для рыболовов — рыба, для земледельцев — удобная земля и т. п.; явления перенаселения в рассматриваемые М. С. Авербухом эпохи, да и в настоящее время, возникают не из-за нехватки, а чаще всего из-за избытка рабочей силы, из-за скудности предметов труда, неравномерного распределения произведенных товаров.

Кратко останавливаясь на двух других главах работы, отметим, что в целом они производят более благоприятное впечатление; в частности, здесь нет таких неточностей, как в главе о первобытном обществе. К сожалению, в методологическом отношении обе этих главы столь же уязвимы, как и первая. В главе, посвященной рабовладельческой эпохе, в центре внимания автора находится вопрос о воспроизводстве рабов, которых он считает «подавляющей массой трудящегося населения» (стр. 105). Приводимый им фактический материал относится главным образом к рабовладельческому государству Средиземноморья, преимущественно к Греции и Риму, однако далеко не во всех греческих полисах и далеко не во все периоды Древнего Рима рабы по численности и по своему значению в системе общественного производства играли столь решающую роль. К тому же в общем историческом процессе Греция и Рим были не типичным, а скорее исключительным явлением. В подавляющем большинстве других стран мира (Древний Египет, Ассиро-Вавилония, Индия, Китай, раннеклассовые государства Америки и др.) основную массу населения и основную производительную силу составляли не рабы, а юридически свободные общинники, которые, в отличие от рабов, вели сравнительно нормальную семейную жизнь, своевременно вступали в брак, обычно стремились к многодетности и т. п. Естественно, что предложенный для этой эпохи закон «суженного естественного воспроизводства рабов» (стр. 105) мало что дает для понимания особенностей происходившего в то время роста численности населения стран мира и динамики численности отдельных народов.

Довольно абстрактный характер носит и попытка М. С. Авербуха установить закон естественного воспроизводства населения для феодальной эпохи. В центре внимания автора находится воспроизводство крепостного крестьянства, закономерности которого он распространяет на все население феодальной эпохи, разбивая ее на три стадии есте-

ственного воспроизводства, связанные с эволюцией форм феодальной ренты. Для первой стадии, в условиях преобладания отработочной ренты, по мнению автора, была характерна пониженная рождаемость и смертность; для второй, в условиях преобладания ренты продуктами, — повышенные рождаемость и смертность, для третьей, в условиях денежной ренты, — повышенная рождаемость и пониженная смертность (стр. 178). Отличительной чертой роста населения всей феодальной эпохи является, по его мнению, значительно более высокая рождаемость по сравнению с рабовладельческой, а тем более первобытной эпохой. Объясняя причины этого явления, М. С. Авербух пишет: «Объективная необходимость высокой рождаемости превращалась в действительность потому, что в отличие от рабовладельческого общества, в котором раб не мог и не был заинтересован обзаводиться семьей, феодальные производственные отношения по существу благоприятствовали высокой брачности и вызывали непосредственную заинтересованность иметь как можно больше детей. Расходы на содержание детей в эпоху феодализма были небольшие. В основном они сводились к расходам на питание и совершенно незначительным затратам на одежду. Уже с 6—8 лет дети и подростки начинали участвовать в процессе производства материальных благ» (стр. 121).

Погрешности всех этих центральных для данной главы положений достаточно очевидны. Между экономическими отношениями людей, например формой феодальной ренты и типами естественного воспроизводства населения, особенно рождаемостью, нет прямой связи. Ошибочность взгляда на детопроизводство как на лучшую возможность для крепостной брачной пары повысить свое благосостояние путем использования труда своих малолетних детей достаточно очевидна. Высокая рождаемость населения в ту эпоху объясняется, конечно, не этими надуманными мотивами, а преобладанием ранних браков, незначительным распространением предохранительных средств и аборт, решительно осуждавшихся всеми церквями, которые играли в феодальную эпоху особо видную роль; немаловажное значение в этом отношении имели и сохранившиеся традиции многодетности, которые поддерживались патриархальным укладом жизни, а нередко и культом предков. К сожалению, все эти действительно важные причины оставлены автором без внимания.

Таким образом, попытка автора связать уровень рождаемости с особенностями процесса общественного производства каждой из докапиталистических общественно-экономических формаций не удалась; позиция автора была бы менее уязвимой, если бы он сделал акцент не на рождаемость, а на смертность, которая действительно обнаруживает связь с уровнем материального производства, хотя и в этом случае вывод общих демографических законов народонаселения остается проблематичным. Эти разделы могут быть использованы главным образом как интересные сводки историко-демографических материалов, однако и в этом случае следует обращать внимание на их неполноту и некоторую односторонность. Другие разделы работы, в частности разделы по миграциям населения, носят преимущественно описательный характер; они менее уязвимы в методологическом отношении и, хотя менее определяют научную значимость книги, все же представляют большой интерес. В заключение можно только пожелать демографам, историкам, этнографам и другим специалистам дальнейшее исследование этой начатой М. С. Авербухом действительно важной темы, имеющей большое значение не только для изучения истории докапиталистических формаций, но и для познания важнейших современных проблем народонаселения в странах, еще сохраняющих многие элементы этих формаций.

В. И. Козлов

Разложение родового строя и формирование классового общества. Под редакцией А. И. Першица. М., 1968. 355 стр.

Вопросы, связанные с разложением первобытнообщинного строя и становлением классового общества, продолжают оставаться актуальными для исторической науки и ее различных дисциплин. Многие из них, например, такие, как проблема ранних форм эксплуатации, соотношение социальной дифференциации и имущественного неравенства в разлагающихся первобытных обществах, пути и этапы разложения первобытной общины, характер раннеклассовых обществ и многие другие являются дискуссионными среди ученых марксистского направления и, учитывая всю их сложность и ограниченность имеющегося материала, вероятно, еще долго будут оставаться таковыми.

Поэтому можно только приветствовать выход в свет сборника, специально посвященного этим проблемам. Особенно приятно, что тем самым продолжается традиция